

С.А. Никольский,
зам. директора Института философии РАН,
доктор философских наук

Можно ли создать образ желаемого завтра, не обращаясь к культуре прошлого?

Не обозначенный жанр текста «Россия XXI века: образ желаемого завтра» – симптом, свидетельствующий о недостаточной продуманности текста. С одной стороны – материал представляет собой размышления, не всегда содержащие четкие дефиниции, допускающие образность и даже художественность. С другой, в нем есть нечто от программы – например, несомненная претензия на всеохватность.

Я буду относиться к тексту как к аналитическому докладу и потому акцентирую внимание лишь на том, что в нем затронуто, но не получило необходимого развития и потому может быть квалифицировано как недостатки. Таких недостатков в докладе, которые следовало бы, на мой взгляд, устранить при дальнейшей работе, на мой взгляд, два.

* * *

Первый касается описания и анализа того, что называется «скрытой идеологией самой власти» (с. 11, – т.е., современной. – С.Н.) и «идеологической архаикой» (с. 12).

По «духу» доклада я понял, что «архаикой» и «скрытой идеологией» называются элементы «дикого капитализма» и рудименты «сталинизма». Обе эти части истинной идеологии современной власти существуют в модифицированной, камуфлированной под цивилизованность, «мягкой» форме. Однако анализ этой идеологии требует внятного изложения и оно, как представляется, должно быть следующим.

В отличие от последнего десятилетия века XX, в первое десятилетие XXI столетия «дикий капитализм» в России прибегает к спонтанному и неразборчивому в средствах насилию, как правило, лишь в крайних случаях, когда другие, «цивилизованные» средства им уже исчерпаны. Непотизм, коррупция, манипуляции правом используются им значительно чаще, чем

убийства. Однако из «арсенала» средств влияния убийства вовсе не исключаются и по умолчанию подразумеваются всегда. При этом, о чем свидетельствуют многочисленные факты и социологические исследования, население в равной мере боится как криминалитет, так и «стражей закона». То, что в своих практических проявлениях власть активно не противодействует (молчаливо попустительствует) «мягким» формам «дикого капитализма» и, стало быть, отводит ему определенное место в своей «скрытой идеологической доктрине», несомненно. И это первое, что должно быть вменено в качестве негатива самой власти и на что должно быть всесторонне проанализировано как на подлежащее искоренению.

Вторая часть идеологии современной власти «мягкий сталинизм» – еще более серьезный по своему содержанию и негативным последствиям для общественного развития феномен. В своей современной форме он являет собой такую систему общественного устройства, при которой власть в обществе реализуется узким кругом «людей в погонах» и их доверенных лиц. Не декларируя приверженность «сталинизму» открыто, они, тем не менее, в полной мере используют его главную содержательную интенцию - произвольного и неподконтрольного манипулирования под прикрытием «борьбы за идеалы» или «справедливость для всех».

Соединяя в своей политике установки «сталинизма» и «дикого капитализма», власть в приоритетном порядке реализует право присвоения и передела собственности, узурпировала функции управления политическими, экономическими, социальными и идеологическими процессами, ликвидировала возможности демократического оппонирования для несогласных с ее политикой социальных сил, в том числе прибегая к их политической или физической изоляции.

Надо признать, что кроме характеристики удобства для целей самой власти, «сталинизм» в силу недавней российской истории имеет и определенную поддержку в сознании низовых социальных слоев, тем самым делая власть как бы народной. И по этой причине он должен быть раскрыт в своем содержании. Так, например, одной из ценностно-содержательных форм «сталинизма» является

ценность «удержания, а если получается, то и приращения территории государства любой ценой». Исторически это делалось, например, при присоединении к СССР Прибалтики, западных районов Белоруссии и Украины, равно как и оккупация государств Восточной Европы путем поддержки насажденных там режимов после Второй мировой войны. У всех этих «приращений» есть свои конкретные исторические контексты и определенные тактические резоны. Однако сам принцип «приращения» сомнению не подвергался никогда, в том числе и сегодня. В борьбе за принадлежащие еще имперской России территории Россия современная ежегодно платит тысячами жизней и милитаризацией сознания значительной части мужского населения страны, регулярно отправляющегося в «командировки» в «горячие точки». А потом мы ужасаемся тому, что убийства мирных людей в мирной жизни и в мирных городах у нас становятся чуть ли не обыденным делом. То есть, получается, что за ценность «удержания и приращения» мы платим разрушением гуманистических ценностей, тем, что приучаем людей не ценить живое и жизнь. Не слишком ли дорогая плата? Как выходить из этой ситуации? К сожалению, эти вопросы даже не формулируются.

«Сталинизм» крепко укоренен в памяти поколений. Именно он был в российской истории последним прецедентом «мобилизационной модернизации», исключающей свободу, массовое творчество, гуманизм, на что, кстати, постоянно акцентируется внимание в докладе. Но его бытие в качестве элемента этой памяти не рассматривается.

Вообще, отношение авторов доклада к неназываемому «сталинизму» путано. Например, на с. 19 читаем: в XX веке «грандиозные прорывы на уровне мирового лидерства» (при Сталине. – С.Н.) были сделаны «на фоне беспрецедентной архаизации политики и социальной сферы» ... и поэтому это было «прорывами в тупик». Создается впечатление, что авторы доклада сознательно избегают анализа как материнской, так и дочерней – современной форм «сталинизма». Также не проанализирована природа камуфлированного под цивилизованность «дикого капитализма».

Следует, однако, со всей определенностью отметить, что без десталинизации России и преодоления в ней капитализма в его дикой форме говорить об излечении нашего общества и государства, равно как и создать отчетливый образ желаемого завтра, нельзя.

В связи с разговором о «скрытой идеологии» власти нужно отметить еще одно. Тема эта болезненная, так как затрагивает глубинное содержание всех властных действий и признание властью, что оно (это содержание) именно таково, как обозначается в докладе, возможно только в одном случае – если власть всерьез решает это содержание изменить. Только тогда возможен подлинный анализ и поиск мер по преодолению «идеологической архаики». А поскольку это, одновременно, есть и обязательство, которое власть берет на себя, чтобы это «наследство» преодолеть, то пути назад у нее не будет.

* * *

Второй недостаток доклада более существенен, так как касается проблемы «что нужно делать, чтобы добиться изменения существующего положения вещей». К сожалению, в этой части доклада авторы ограничиваются в основном предостережениями, попытками образного изображения желаемого завтра, а также наставлениями и призывами. (Так, например, после многообещающего, хотя и не совсем корректно сформулированного на с. 11 заголовка *«Вход в модернизацию начинается с идеологического признания»*, следует эмоционально понятный, но мало продуктивный тезис о том, что в обновляющейся стране отношение к ценностям достоинства, свободы и права должно быть выражено и обосновано «морально», «прагматически», «юридически»).

Позитивную часть доклада, на мой взгляд, следует существенно расширить (сделать предметом специального доклада) и среди прочего, в ней должна появиться часть, условно озаглавленная: «Активизация ресурсов отечественной культуры как условие развития нового сознания». Что имеется ввиду?

Общим местом современных представлений философов, социологов и экономистов об общественном прогрессе стал тезис «культура имеет значение». Под культурой понимается самое широкое – пройденный страной исторический путь, религия народа, его менталитет, стереотипы поведения, созданная им

литература, искусство и т.д. Выяснено, что в странах, осуществивших успешную модернизацию, перечисленные сегменты культуры в каждом случае по-своему, но, тем не менее, играли важную роль. В одних - позитивно сработали морально-религиозные установки, в другие были успешно импортированы культурно приемлемые сегменты из культур других стран.

В России, при том, что православие содержательно не ориентировано на повседневную хозяйственно-экономическую жизнь и связанные с этим личностные качества людей, ресурс для культурного воздействия с целью развития нового сознания, тем не менее, есть. Им, на мой взгляд, наряду с другими элементами, вполне может выступить отечественная литература (включая и ее качественные экранизации), которая всегда была не только формой художественного освоения действительности, но, одновременно и формой русского типа философствования. Кстати, в этой своей роли она вполне сопоставима с конфуцианством, хотя по своему теперешнему положению (на грани забвения) не имеет в современном российском обществе своего прежнего (как, например, в советский период) императивного значения. Дело, однако, в том, чтобы отнести к ней как к потенциалу развития нового сознания.

Как литература могла бы быть использована в качестве одного из культурных ресурсов модернизации? Назову лишь несколько необходимых этапов работы.

1. Литература должна быть освобождена от советских идеологических интерпретаций и даже извращений, должна быть возвращена к своим аутентичным смыслам и ценностям. (Например, нужно показать, что: история России в ее литературном описании – это не только история «лишних людей» и «мертвых душ», но и история «позитивного дела»; Что, например, Евгений Базаров не столько идеологический «нигилист», сколько трудоголик и профессионал, а настоящий «нигилист» - российская действительность, убивающая его и потому нуждающаяся в изменении и т.д. Именно такой вывод следует из всей романной прозы И.С. Тургенева, и из романа «Отцы и дети», в том числе).

2. Следует провести содержательную «каталогизацию» проповедуемых литературой базовых российских смыслов и ценностей. Например, среди них есть такие: «Человек – всегда цель и никогда – средство»; «Человеческая жизнь органично продолжается в природу и в не-жизнь (смерть) и расплата за поведение при жизни наступает неминуемо», (А.С. Пушкин); «Сердце и разум – не антиподы (Обломов и Штольц, Адуев-дядя и Адуев-племянник), а взаимодополняющие сущности человека», (И.А. Гончаров); «Говорение (идеология) – начало и малость, а поступок (делание) – венец и величина», (И.С. Тургенев); «Достоинство выше приспособленчества, но свобода и милосердие выше достоинства», (А.С. Пушкин) и т.д.

3. Необходимо для разных возрастов и разных социальных групп найти наиболее приемлемые для них формы и методы превращения смыслов и ценностей отечественной культуры в содержание, которым со временем наполнится их новое индивидуальное и общественное сознание. И на это как раз и потребуются те «десятилетия», о которых говорится в докладе, когда речь идет о «человеческом капитале». Однако другого пути получения нового «человеческого капитала» нет.

* * *